

—Только я вернулся из командировки (перед самыми майскими праздниками, а ещё точнее - 27 апреля), как из Владимира пришла телеграмма: Сашулину маму - бабу Тоню срочно вызывали в калининскую деревню, где при смерти находился её отец - Сашулин дедушка. Было ему уже за восемьдесят, и умирал он, судя по всему, от рака желудка. В молодости своей служил он в кондитерской в Петербурге-Петрограде у какого-то своего богатого родственника, дяди что ли, и всю жизнь был прекрасным кулинаром, особенно по выпечной части. При Советской власти работал простым колхозником, прошёл три войны, имел шестерых детей: три сына и три дочери. Сыновья все погибли в Великую Отечественную, а две тётки Сашулины - Гутя и Сусанна жили в Ленинграде. Мне его так и не довелось повидать, а он одно время нянчил Иринку, когда она совсем маленькой была в Тейково (как раз когда Сашуля ездила на защиту своего диплома).

—Чтобы отпустить маму в деревню, Сашуле пришлось взять отпуск за свой счёт и поехать во Владимир опекать Митю. На майские праздники они с Митей ездили в Москву к Бирюковым, ходили на салют и в зоопарк.

Сашуля и майечка Бирюкова с Митей в московском зоопарке.

—Майечка и Гена Бирюковы - наши бывшие соседи сверху, врачи и фактические хозяева Ладушкинского детского санатория - жили теперь в самом центре Москвы на Арбате, в Большом Власьевском переулке, совсем рядом со Смоленской площадью. Из Ладушкина они уехали в Очаков, поближе к Одессе, Николаеву - культурным центрам, как казалось тогда Майечке, считавшей Калининград провинциальной дырой, не говоря уж о Ладушкине - настоящей деревне.

—В Очакове они прожили четыре года, возглавляя, как и в Ладушкине, детский санаторий, и совершенно разочаровались, хотя и юг, и море (не совсем, правда, море - Днепровский лиман), и Одесса, действительно, доступна, и родители Майечкины тоже в Очаков перебрались, продав свой дом в Никополе и купив в Очакове, где занялись курортным бизнесом - сдачей жилья. Уж больно откровенно, прямо-таки махрово

процветала в Очакове система блата - "ты - мне, я - тебе" (в общем-то не чуждая Майечкиной психологии, но не на таком уж примитивном уровне), пропитав собой все сферы бытия.

— Сам детский санаторий в Очакове более походил на обычный пионерлагерь, серьёзным лечением заниматься было невозможно, да и настоящих больных почти не было - всё блатные, пристроенные просто так, отдохнуть. Всё это грозило утратой врачебной квалификации и не устраивало в первую очередь Майечку, которая любила свою работу именно как работу врача и стремилась быть настоящим, во всяком случае, добросовестным медиком. Система блата, правда, позволяла обзаводиться книгами, например, которых Бирюковы много приобрели за этот период, но и всё, пожалуй. Что же касается культурной жизни, то ею в Очакове, конечно, и не пахло, да и в Николаеве тоже, а до Одессы всё-таки было далеко.

— И вот, уж не знаю как, энергичная Майечка разыскала новое место - детский санаторий во Внуково, где Гена занял свой привычный пост главврача, в сущности администраторский. Санаторий оказался ужасно запущенным, персонал весь поголовно пьющий - не только кочегары, как в Ладушкине, но и санитарки, и медсестры, и завхоз, да ещё и ворующий всё, что только можно было украсть. В аварийном состоянии были водопровод и канализация. У Гены голова шла кругом. Зато квартира на Арбате! Квартирка маленькая, двухкомнатная, на пятом этаже старого дома, но рядом театр Вахтангова, да и что там вообще говорить - самый центр Москвы! После Ладушкина да Очакова-то.

Митя в Москве у Бирюковых.

— Майечка была почти что счастлива. Но вот беда - здоровье её сильно пошатнулось, у неё развилась красная системная волчанка, и ей пришлось оставить работу. Духом, однако, Майечка не падала, интенсивно лечилась и всю пользовалась теми культурными благами, которые предоставляло ей новое место жительства: ходила с Геней в театры, на концерты, в музеи и на выставки, много гуляла по старой Москве, изучая её закоулки и особнячки.

Сашулина мама не дождалась в деревне смерти своего отца - ему вроде бы стало получше, и она вернулась во Владимир, а сразу после её отъезда дедушка умер. Бабушку, вдову его, тоже совсем плохую, забрала к себе в Ленинград Гутя. Сашуля вернулась из Владимира, оставив там Митю до нашего летнего отпуска.

— Папа мой 6-го мая уехал в Севастополь. Он постепенно приходил в себя после смерти мамы. Я притащил из кирхи разные остатки мебельной рухляди, вынесенные уже было на помойку для сожжения, и отец, работая не спеша и очень аккуратно, смастерил из них (при незначительной моей помощи) прекрасный кухонный стол, вделав в него водопроводную раковину и заполнив им нерационально использовавшееся до сих пор пространство между стеной у раковины и газовой плитой. Сашуля была очень довольна - и удобно, и эстетично, о таком столе она давно мечтала и просила меня сделать. На одной из внутренних стенок этого стола можно прочитать "Моральный кодекс строителя коммунизма", выписанный когда-то оформителями кирхи на фанере, которая нашла себе, наконец, настоящее применение.

— Позже, осенью уже, папа смастерил ещё и полки в туалете, в проёме над бачком унитаза, получилась целая кладовка дополнительная, которую я заполнил инструментами и всяким хозяйственными материалами - красками, клеями, растворителями, пастами, порошками и т.п. вещами.

— На кладбище папа бывал каждую неделю, ухаживал за могилой, менял цветы. В Севастополь он поехал навестить Милочку и показаться своим врачам во флотской поликлинике, подлечиться от гипертонии.

— В мае я ещё продолжал по инерции ездить на рыбалку, хотя с 20 апреля начинался двухмесячник рыбоохраны на период нереста и ловить разрешалось только в Прегеле, Дейме и Полесском канале. 30 апреля мы с Серёжей и Саней Шевчуком ездили на Прегель за Низовье, но из-за сильного ветра сбежали. Я успел поймать только одну плотвицу в канальчике, впадающем в Прегель. 9 мая ездили с Шевчуком на Прегель в Рыбное, пытались ловить с резиновой лодки, но ни одной поклёвки не увидели.

— 12-го я ездил один в Полесск, там хорошо ловилась крупная плотва, густёра и подлещики прямо с моста, на хлеб. Ловить нужно было с тяжёлым грузом, удочка использовалась практически как донка, поплавок висел над водой, но потяжки было видно очень хорошо. Вот только вытаскивать рыбу на мост было очень трудно: если не поводок, так губа рыба не выдерживала, ибо приходилось поднимать её прямо по воздуху, чуть ли не каждая вторая рыбина срывалась и плюхалась обратно в реку.

— Но это удовольствие длилось недолго, на зоре только, а часов в девять пришёл рыбинспектор и прогнал всех с моста - ловить, мол, можно только с берега, а с берега обычной удочкой не дотянешься, нужна спиннинговая донка, а ими почему-то тоже в это время запрещёно ловить. В Головкино дорога по-прежнему была закрыта, и я воротился домой.

— В середине мая резко потеплело. До этого температура была 10-12°, а 14-го - 18°, 15-го мая - 20°, 16-го - 25°, 17-го - 25° - прямо-таки летняя жара. Женя Емельянова говорила, что как раз в эти дни по Прохладной вверх на нерест и пошли лещ и плотва.

([продолжение следует](#))

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)